

жаніемъ, а спеціально творческими достоинствами и приемами“, говоритъ г. Боборыкинъ. Ну, пускай онъ такъ и думаетъ, рѣшая самъ для себя, что это за творчество такое будетъ, которое не захочетъ знать никакихъ самыхъ важныхъ, самыхъ глубокихъ, самыхъ насущныхъ и истинныхъ задачъ жизни, которое отвернется отъ нихъ всѣхъ ради одной „виртуозности“. Думая такъ, г. Боборыкинъ повторяетъ только устарѣлыя французскія воззрѣнія, которыя мы встрѣчаемъ въ той самой книгѣ „Manette Salomon“ братьевъ Гонкуровъ, на которую онъ такъ любовно ссылается. Эти авторы (уже не отъ имени современныхъ имъ живописцевъ, а отъ своего собственнаго имени) жалуются на „пагубное вліяніе французской литературы на французскую живопись 40-хъ годовъ“, тогда какъ именно это-то вліяніе всегда и вездѣ было самое благодѣтельное, самое плодотворное, самое возвышающее, всякій разъ когда литература пробуждалась отъ обычнаго сна и полна становилась ощущенія живой жизни. Тамъ бывало не разъ во Франціи, такъ было и у насъ въ послѣднія 25 лѣтъ. Этимъ мы можемъ только гордиться, но, конечно, любителямъ ничтожнаго, пѣлаго, формальнаго искусства это могло быть только невыносимо больно и оскорбительно. Оно имъ, въ ихъ чисто куриной слѣпотѣ, казалось даже анти-художественнымъ. Г. Боборыкинъ скорбитъ, что „наша публика до сихъ поръ не воспитала еще въ себѣ способности восхищаться самими приемами мастерства. То, что французскіе критики на своемъ жаргонѣ называютъ „la pâte“ и la „brosse“, не способны приводить ее въ восторгъ. И слава Богу! скажемъ мы. Лучшіе французскіе умы и художественные критики давно жалуются на паденіе современнаго французскаго искусства, на его жалкую пустоту, въ большинствѣ случаевъ, вслѣдствіе отсутствія содержанія, вслѣдствіе безумнаго поклоненія одному виртуозничанью. Тургеневъ жаловался (Спб. Вѣдом., 1881, № 310, статья г. Аверкіева: „Представленія Сарры Бернаръ) на современное паденіе французской драматургіи. „Совершенно ошибочно думать, что парижскіе театры стоятъ на значительной художественной высотѣ, говорилъ онъ. „Для художника они скучны; они для него чезъ-чуръ механичны. Пересмотрѣвъ множество театровъ, вамъ покажется, что вы весь вечеръ просидѣли въ одномъ и томъ-же театрѣ: до того похожи другъ на друга всѣ эти любовники, любовницы, резонеры и т. д. Мало того, вамъ покажется, что во всѣхъ театрахъ играютъ одну и ту-же пьесу: до того всѣ они похожи другъ на друга“... Это самое каждому мыслящему человѣку приходится сказать про современное французское искусство: кромѣ рѣдкихъ исключеній, оно ужасно скучно, потому что черезъ-чуръ